

Вечеринка
В
Саду

Кэтрин Мансфилд

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-32(931)
ББК 84(8Н03)-44
М97

Katherine Mansfield

THE GARDEN PARTY AND OTHER STORIES

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© createvil, Uncle Leo, Nataliia Pokrovska, roughedges_stock,
B.illustrations, Ulyana Mo, Bodor Tivadar, Lana Brow, Elena
Pimonova, Kseniia Dizdar / HYPERLINK “http://shutterstock.com/”
Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от HYPERLINK “http://shutterstock.
com/” Shutterstock.com / FOTODOM

Составитель Людмила Иванова

Перевод с английского *Анны Рахманько*

Мэнсфилд, Кэтрин.

М97 Вечеринка в саду : [сборник рассказов : перевод с английского А. Рахманько] / Кэтрин Мэнсфилд. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с.

ISBN 978-5-04-211342-0

Кэтрин Мэнсфилд — новозеландская писательница и мастер короткой прозы, вдохновленной Чеховым. Модернистка и экспериментатор, она при жизни получала похвалы критиков и коллег по цеху, но прожила короткую жизнь и умерла в 1923 году в возрасте тридцати четырех лет.

Мэнсфилд входила в круг таких значимых фигур, как Д. Г. Лоуренс, В. Вулф, О. Хаксли. Совместно с С. С. Котелянским работала над переводом русской литературы.

Сборник «Вечеринка в саду» состоит из десяти оригинальных рассказов, действие которых частично происходит на родине автора в Новой Зеландии, частично — в Англии и на Французской Ривьере. Все они — любовь, смерть и одиночество. Откровения о невысказанных эмоциях; истории о противоречивости жизни, разочарованиях и повседневных радостях.

УДК 821.111-32(931)
ББК 84(8Н03)-44

© Рахманько А., перевод на русский язык, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-211342-0

ВЕЧЕРИНКА В САДУ

Погода все-таки выдалась идеальной. Лучшего дня для праздника в саду нельзя было выдумать. Безветренно, тепло, ни единого облачка. Синева окутана легкой золотистой дымкой, как это бывает в самом начале лета. Садовник на ногах с рассвета — подстригал газоны и подметал их, пока трава и темные плоские клумбы с маргаритками не засияли. Что же касается роз, то они всем своим видом демонстрировали: они — единственные цветы, которые производят впечатление на садовых вечеринках; единственные цветы, которые знакомы всем. Сотни, без преувеличения, сотни роз распустились за одну ночь; зеленые кусты кланялись словно перед архангелами.

Еще не успели закончить завтрак, как пришли люди по поводу павильона.

— Мама, где ты хочешь поставить павильон?

— Дитя мое, меня бесполезно спрашивать. В этом году я твердо решила предоставить это вам. Забудьте, что я ваша мать. Относитесь ко мне как к почетной гостье.

Но Мэг не могла сейчас следить за тем, как ставят павильон. Она перед завтраком помыла голову и сиде-

ла в зеленом тюрбане, с темным мокрым локоном на каждой щеке, с чашкой кофе. Джоз напоминала бабочку, она по привычке спустилась к завтраку в шелковой нижней юбке и накидке-кимоно.

— Лора, придется пойти тебе: ты у нас творческая личность.

Лора тут же сорвалась с места с кусочком хлеба с маслом в руке. Ей нравилось есть не за столом, и, кроме того, она любила что-то организовывать; ей всегда казалось, что у нее это получается намного лучше, чем у других.

Четверо мужчин в рубашках с длинными рукавами топтались на садовой дорожке. Они держали шесты с намотанными рулонами брезента, а на спинах у них висели большие сумки с инструментами. Выглядело все это весьма впечатляюще. Лора пожалела, что взяла с собой кусок хлеба с маслом: положить его было некуда, но и не выбросишь ведь. Она залилась краской и, приблизившись к мужчинам, постаралась притвориться строгой и чуточку близорукой.

— Доброе утро, — произнесла она, подражая голосу матери. Но приветствие прозвучало так взволнованно, что ей стало стыдно. Запинаясь словно маленькая девочка, она произнесла: — Ах... вы пришли... насчет павильона?

— Все верно, мисс, — ответил самый высокий из рабочих, долговязый, усыпанный веснушками. Он поправил на спине сумку с инструментами, приподнял соломенную шляпу и улыбнулся Лоре. — Насчет него.

Его улыбка была такой легкой и дружелюбной, что Лора пришла в себя. Какие у него красивые глаза, ма-

ленькие, но такие ярко-синие! Теперь она осмелилась обвести взглядом и остальных — они тоже улыбались. «Не бойтесь, мы не кусаемся», — казалось, говорили их улыбки. Какие милые рабочие! И какое прекрасное утро! Но не стоит говорить о погоде; нужно вести себя по-деловому. Павильон.

— Может, на той лужайке с лилиями? Подойдет?

И она указала на лужайку рукой, свободной от бутерброда. Мужчины развернулись, устремив взгляд в этом направлении. Невысокий толстячок выпятил нижнюю губу, высокий нахмурился.

— Я не в восторге, — сказал он. — Малоприметное место. Видите ли, такую штуку, как павильон, — он повернулся к Лоре все в той же непринужденной манере, — нужно поставить там, где она будет словно пощечина, если вы понимаете, о чем я.

В силу своего воспитания Лора на миг задумалась, насколько уважительно со стороны рабочего было говорить с ней о пощечине. При этом она точно поняла, что он имеет в виду.

— Угол теннисного корта, — предложила она. — Правда, в другом будет играть оркестр.

— Значит, вы пригласили оркестр? — спросил другой рабочий — изможденный и бледный, он не сводил своих темных глаз с теннисного корта. О чем он, интересно, думал?

— Совсем небольшой, — мягко сказала Лора. Возможно, они не станут возражать, узнав, что музыкантов будет немного. Но тут вмешался высокий мужчина.

— Послушайте, мисс, вот здесь. У этих деревьев. Здесь. Лучше не найти.

Рядом с деревьями караки¹. Тогда самих деревьев не будет видно, а ведь они так прекрасны, с их широкими мерцающими листьями и гроздьями желтых плодов! Они похожи на деревья, растущие на необитаемом острове, гордые, одинокие, возносящие свои листья и плоды к солнцу в своем безмолвном великолепии. И теперь их спрячут за павильоном?

Но другого выхода нет. Мужчины уже взяли в руки шести и направились в ту сторону. Все, кроме высокого. Наклонившись, он отщипнул веточку лаванды, поднес щепотку к носу и вдохнул запах. Глядя на это, Лора напрочь забыла о деревьях, поражаясь тому, что он вообще обращает внимание на подобные вещи — на запах лаванды. Кто из знакомых ей мужчин мог бы сделать подобное? «Как же необычайно милы эти рабочие», — подумала она. Почему бы ей не дружить с рабочими вместо глупых мальчишек, с которыми приходилось танцевать и обедать по воскресеньям? С такими друзьями она бы гораздо лучше ладила.

«Во всем виноваты, — подумала она, глядя, как высокий мужчина чертит что-то на обратной стороне конверта — что-то, что нужно укрепить или повесить, — эти дурацкие классовые различия». Со своей стороны

¹Новозеландский лавр — вечнозеленое дерево семейства Сугупосаграсеае, эндемичное для Новой Зеландии. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания редактора.)

Лора их не чувствовала. Ни капельки! И вот до нее донесся стук деревянных молотков. Кто-то свистнул, кто-то пропел: «Ты здесь, дружище?» Дружище! Как это мило... Чтобы доказать, насколько она счастлива, чтобы показать высокому рабочему, как ей это близко и как она презирает глупые условности, Лора откусила большой кусок хлеба с маслом, разглядывая его чертеж. Она чувствовала себя настоящей рабочей девчонкой.

— Лора, Лора, ты где? Тебя к телефону, — донесся громкий голос из дома.

— Иду! — Она бросилась по лужайке, по дорожке, по ступенькам, через веранду и на крыльцо. В передней ее отец и Лори чистили шляпы, чтобы отправиться в офис.

— Лора, мне кажется, — быстро сказал Лори, — тебе стоит взглянуть на мой фрак. Проверь, не нужно ли его отутюжить.

— Обязательно, — ответила она и, внезапно не сдержав себя, бросилась к Лори и быстро сжала его в объятиях. — О, я так люблю вечеринки, а ты? — на одном дыхании произнесла Лора.

— Я против них не возражаю. — Голос Лори звучал тепло и совсем по-мальчишески. Он обнял сестру, после чего слегка подтолкнул ее. — Беги к телефону, старушка.

Телефон. «Да, да. Ах да. Китти? Доброе утро, дорогая. На обед? Приходи, пожалуйста. Конечно, буду рада. Правда, еда будет на скорую руку — корки от сэндвичей, сломанные меренги и то, что осталось. Да, не прав-

да ли, чудесное утро? Твое белое? Ох, конечно, должно быть. Секунду, побудь на линии. Меня зовет мама. — Лора отодвинулась от трубки. — Что, мама? Я не слышала».

Голос миссис Шеридан донесся сверху:

— Попроси ее надеть ту миленькую шляпку, в которой она была в прошлое воскресенье.

— Мама передает, чтобы ты надела ту миленькую шляпку, в которой приходила в прошлое воскресенье. Хорошо. В час. До встречи.

Лора положила трубку, вскинула руки над головой, глубоко вздохнула, потянулась и опустила их. «Уф», — выдохнула она, тут же быстро села и замерла, прислушиваясь. Казалось, все двери в доме открыты. Он ожил от мягких быстрых шагов и переливающихся голосов. Дверь в кухню, обитая зеленым сукном, распахнулась и захлопнулась с глухим стуком. Вдруг что-то неприятно заскрипело. Это двигали тяжелый рояль на ржавых колесиках. Но воздух! Неужели она раньше не замечала и воздух всегда был таким? У окон и дверей легкие дуновения ветерка играли в пятнашки. И два крошечных солнечных зайчика — один на чернильнице, другой на серебряной рамке для фотографии — тоже играли. Милые маленькие зайчики. Особенно тот, что на крышке чернильницы. Такой теплый. Теплая серебряная звездочка. Лора была готова расцеловать ее.

Зазвенел колокольчик входной двери, на лестнице послышался шорох юбки Сэди. Что-то пробормотал мужской голос; Сэди беспечно ответила:

— Уверена, что не знаю. Подождите. Я спрошу миссис Шеридан.

— Сэди, в чем дело? — Лора вошла в переднюю.

— Пришел флорист, мисс Лора.

И в самом деле. На пороге — широкий неглубокий поддон, заставленный горшками с розовыми лилиями. Ничего другого, только лилии — сорт «канна», с крупными розовыми цветами, распустившимися, сияющими, почти пугающе живыми на ярко-малиновых стеблях.

— О-о-о, Сэди! — простонала Лора. Она присела, словно желая погреться у пламени лилий; ей казалось, что они на ее пальцах, губах и даже растут в ее груди.

— Это какая-то ошибка, — едва слышно произнесла она. — Никто столько не заказывал. Сэди, найди маму.

И в этот момент появилась миссис Шеридан.

— Все в полном порядке, — спокойно сказала она. — Это я их заказала. Не правда ли, они прекрасны? — И она сжала руку Лоры. — Я проходила вчера мимо цветочной лавки и увидела их в витрине. И решила, что хотя бы раз в жизни могу позволить себе много лилий. Вечеринка в саду — отличный для этого повод.

— Я думала, что ты не хотела ни во что вмешиваться, — сказала Лора.

Сэди уже ушла. Флорист по-прежнему стоял на улице рядом со своим фургоном. Лора обвила мамину шею руками и нежно укусила ее за ухо.

— Мое милое дитя, неужели ты хочешь, чтобы твоя мама следовала логике? Ну прекрати! Сюда идет флорист.

Он принес еще один поддон лилий.

— Поставьте их прямо перед дверью, по обеим сторонам крыльца, пожалуйста, — сказала миссис Шеридан. — Ты согласна со мной, Лора?

— Ах, конечно согласна, мама.

В гостиной Мэг, Джоз и милый малыш Ханс наконец-то смогли передвинуть пианино.

— Может, подвинем диван к стене и вынесем из комнаты все, кроме стульев?

— Вполне себе.

— Ханс, унеси эти столы в курительную комнату и захвати метелку, чтобы убрать мусор с ковра и... подожди, Ханс... — Джоз обожала раздавать указания прислуге, а они любили ей повиноваться. Она всегда заставляла их чувствовать себя так, словно они играют в какой-то пьесе.

— Передай маме и мисс Лоре, чтобы они немедленно пришли сюда.

— Хорошо, мисс Джоз.

Она повернулась к Мэг.

— Я хочу послушать, как звучит рояль, — на случай, если меня попросят сегодня что-нибудь спеть. Давай попробуем *This Life Is Weary*¹.

Бум! Та-та-та... Ту-и-та! Рояль зазвучал с таким неистовством, что Джоз изменилась в лице. Она сжала руки и бросила грустный загадочный взгляд на мать и Лору, уже стоявших на пороге комнаты.

¹ «Жизнь несносна» (прим. пер.).

— Жизнь несносна... Слеза и вздох... Любовь проходит... И жизнь несносна... Слеза и вздох... Любовь проходит... И... прощай!

На слове «Прощай!», несмотря на то что рояль зазвучал отчаяннее, чем когда-либо, она расплылась в сверкающей и довольно неприятной улыбке.

— Мамочка, не правда ли, я сегодня в голосе? — произнесла она, не переставая широко улыбаться. — Жизнь несносна... Надежда умрет... Очнешься ото сна.

Но Сэди перебила их.

— Что стряслось, Сэди?

— Если вы позволите, мэм, кухарка спрашивает флажки для сэндвичей.

— Флажки для сэндвичей, Сэди? — повторила миссис Шеридан мечтательно. По ее тону детям стало ясно, что флажков у нее нет. — Сейчас подумаю. — Она решительным тоном сказала Сэди: — Передайте кухарке, что они будут у нее через десять минут.

Сэди вышла.

— Лора, — быстро сказала мать, — пойдем со мной в курительную комнату. У меня где-то на обратной стороне конверта есть список. И тебе нужно будет подписать флажки. Мэг, сейчас же поднимись наверх и сними с головы эту мокрую штуку. Джоз, немедленно беги одеваться. Если вы не будете меня слушаться, дети, мне придется рассказать об этом вашему отцу, когда он вернется. И еще, Джоз, успокой кухарку, когда заглянешь на кухню, ладно? Сегодня она наводит на меня страх.